Захаров Александр Михайлович

СЛАВЯНСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В РОССИИ (1917-1920 ГГ.): "ВСТРЕЧА РЕВОЛЮЦИЙ" ИЛИ "ПРОДАННЫЙ КОРПУС"?

В статье анализируется участие славянских добровольцев в Гражданской войне в России. Автором выдвигается и обосновывается тезис о генетическом единстве революционных взглядов славян-добровольцев, входивших в состав как "белых", так и "красных" формирований. Различие, видимое лишь в приоритете национальной или социальной революции, позволяет автору впервые в отечественной историографии ввести в научный оборот понятие "встречи двух революций".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-1/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. I. С. 76-78. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Страны Северной Европы вырабатывают такой подход к решению проблемы торговли людьми, который ставит во главу угла права и защиту жертвы торговли людьми. Такой подход ложится в основу выработки комплексной государственной политики, поэтому является на современном этапе успешным и передовым в данной сфере.

Список литературы

1. **Всеобщая декларация прав человека**: принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года // Российская газета. 1995. 5 апреля.
2. **Гольтяев А. О.** Международный контроль в области прав человека на современном этапе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6. Ч. 1. С. 45-50.
3. **Гусева А. Л.** Механизм защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в РФ: к постановке проблемы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5). С. 60-62.
4. **Права человека: история, теория и практика**: учебное пособие / отв. ред. Б. Л. Назаров. М.: Русслит, 1995. 304 с.
5. **Предотвращение и противодействие распространению рабства и торговли людьми в Российской Федерации**: итоговый доклад по исследовательской части проекта Европейского Союза, реализуемого Бюро Международной организации по миграции (МОМ) в РФ, «Предотвращение торговли людьми в Российской Федерации» / Представительство Европейской комиссии в России; Бюро Международной организации по миграции в РФ; Международная организация труда. М.: Импала, 2008. 140 с.
6. **Рудинский Ф. М.** Понятие и содержание прав человека: сб. научных трудов юр. фак-та МГПУ. М.: Логос, 2000. Кн. 3. Право и права человека / под ред. Е. Н. Рахмановой.
7. **Четвернин В. А.** Введение в курс общей теории права и государства: учебн. пособие. М.: Институт государства и права РАН, 2003. 204 с.
8. **The New Encyclopedia: Micropaedia.** L., 1988. Vol. 6.

HUMAN TRAFFICKING PROHIBITION IN THE CONTEXT OF HUMAN RIGHTS

Natal'ya Svyatoslavna Zaibert
Department of Political Science
Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen
natalia_zaibert@mail.ru

The author considers the actual problem of human trafficking at the present stage from the standpoint of international law, analyzes normative documents that prohibit human trafficking and Northern Europe countries advanced experience in this field, and concludes that the successful experience of Northern Europe countries state policy in human trafficking suppression is the integrated approach to this problem solution, where crime victims' rights protection is the keystone.

Key words and phrases: human rights and freedoms; slave trade; human trafficking; Palermo Protocol; Northern Europe countries.

УДК 94(47).084.3

В статье анализируется участие славянских добровольцев в Гражданской войне в России. Автором выдвигается и обосновывается тезис о генетическом единстве революционных взглядов славян-добровольцев, входивших в состав как «белых», так и «красных» формирований. Различие, видимое лишь в приоритете национальной или социальной революции, позволяет автору впервые в отечественной историографии ввести в научный оборот понятие «встречи двух революций».

Ключевые слова и фразы: Гражданская война в России; Чехословацкий корпус; славянские добровольцы; иностранная интервенция; Первая мировая война.

Александр Михайлович Захаров, к.и.н., доцент
Кафедра русской истории
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
rusist.rgpu@mail.ru

СЛАВЯНСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В РОССИИ (1917-1920 ГГ.): «ВСТРЕЧА РЕВОЛЮЦИЙ» ИЛИ «ПРОДАННЫЙ КОРПУС»?©

Явление иностранного добровольчества в годы Гражданской войны в России - факт достаточно хорошо известный, но вряд ли столь же хорошо изученный. Отечественная историография по понятным причинам обращала внимание в основном на т.н. «интернационалистов». Изучение их активности носило обширный,

© Захаров А. М., 2012

но при этом весьма бессистемный характер. По признанию крупнейшего специалиста в этом вопросе С. Н. Полторака, на стороне «красных» в Гражданской войне ему удалось зафиксировать деятельность 370 воинских формирований, в которых служило около 300 тысяч человек 30 национальностей [9, с. 8].

Подобный учет в отношении «белых» добровольцев-иностранцев отсутствует, хотя тот же исследователь полагает число таковых примерно схожим. Уже одно это позволяет нам взглянуть на ситуацию пристально: получается, что приблизительно каждый десятый активный участник Гражданской войны в России - во-первых, иноземец, вступивший в эту войну под влиянием исключительно идеологических причин, а во-вторых, доброволец, то есть солдат с высокими морально-боевыми качествами и уж во всяком случае большими, чем склонный к дезертирству мобилизованный.

Факторы индоктринации добровольцев «красных» неплохо изучены и, в общем-то, очевидны. Выделить здесь стоит, во-первых, революционно-радикальную идеологию, и, во-вторых, банальный аспект выживания в условиях разрухи и анархии бывших военнопленных - обмундирование, паек, какое-никакое жалованье и служба рядом с людьми, владеющими твоим родным языком, на одной чаше весов, и полуголодное существование в лагере для военнопленных в чужой стране, устраивающей малопонятную свою революцию, на другой.

Сложнее ситуация с добровольцами в рядах «белых». Трудно согласиться с мнением уже цитированного уважаемого коллеги С. Н. Полторака, утверждающего, что «несмотря на различие политических взглядов (или отсутствие рельефно сформировавшихся убеждений), все эти иностранцы без исключения стали заложниками “белой” и “красной” идей» [10, с. 140]. Если в отношении «красных» данный тезис, как мы уже видели, применим, то представить себе солдата Чехословацкого корпуса или польских легионов, одержимого «белой» идеей с ее пропагандой «единонеделимости» России, как-то затруднительно.

Столь же далека от действительности почтенная, но явно уже неприменимая концепция советской историографии, порожденная трудами А. Х. Клеванского, введшая в употребление популярный когда-то миф о «проданном корпусе». Не вдаваясь здесь во все минусы данной конструкции, отметим лишь главный - она подразумевает наличие четкого плана иностранной интервенции едва ли не с первых дней прихода большевиков к власти, что никакими мало-мальски достоверными источниками не подтверждается - скорее напротив, интервенция с позиций сегодняшнего дня видится явлением вопиюще неорганизованным, несогласованным, перенасыщенным случайными факторами и, наконец, постоянно меняющим свою практическую и идеологическую направленность.

Тем самым, вопрос о факторах формирования славянских добровольческих частей в рядах белого движения кажется открытым. Однако мы попробуем здесь обозначить нашу позицию.

Некоторое время назад японским исследователем революции и Гражданской войны в России Х. Вадой было введено в научный оборот понятие «комплекса революций в эпоху мировой войны» [3, с. 46]. Нам кажется, что в этой концепции и прячется ответ на поставленный вопрос - польские, чешские, словацкие и югославянские волонтеры белых сил вдохновлялись, как это ни парадоксально, тоже вполне революционными идеями. Только их революция должна была быть национально-освободительной в первую очередь и славянской - во вторую.

Уже в начале Первой мировой войны славянские добровольческие отряды формировались в России именно под такими лозунгами. 15 августа 1914 г. представитель московской чешской общины открыто говорил, обращаясь к соотечественникам, идущим добровольцами на русский фронт: «Чехия должна быть добыта чешским войском - для того, чтобы на мирной конференции мы могли выступить с требованием самостоятельности, обосновывая наши требования нашим участием в вооруженных действиях. В этом задача наших добровольцев» [6, т. 1, с. 111].

Такой же была картина и в Сербском добровольческом корпусе, созданном двумя годами позже. «Республиканские и революционные идеи имели распространение среди солдат Добровольческого корпуса в России», - писал виднейший отечественный знаток сюжета Ю. А. Писарев. - «В корпусе были созданы революционные комитеты, которые вели агитацию за создание югославянской федеративной республики. Анте Мандич, представитель Лондонского Югословенского комитета в Петрограде, писал в воспоминаниях, что среди солдат корпуса были сильны революционные настроения» [8, с. 231]. Нелишним будет напомнить, о чем автор данного текста уже писал в других статьях, что в корпусе было чрезвычайно сильным влияние тайной офицерской организации «Черная рука», национально-революционный характер которой очевиден. Даже разгром организации сербским правительством в 1917 г. не изъял из состава сербских частей в России офицеров, принадлежавших к ней ранее.

Революция 1917 года и начало Гражданской войны не просто не изменили ситуацию радикально, но еще и вынесли на поверхность те процессы, которые в условиях царской России приходилось более или менее скрывать. В официальном пропагандистском издании Чехословацкого корпуса теперь без обиняков говорилось: «В настоящее время революционным движением чехословаков руководит профессор пражского чешского университета Масарик» [1, с. 2]. Лидер Чехословацкого национального совета Б. Павлу, выступая 23 сентября 1918 г. на Уфимском совещании, формулировал теорию национально-революционного процесса еще более прозрачно: «Мы ясно сознаем, что наша и ваша судьба общая, мы и вы боролись за свободу, мы боремся теперь за единую свободную Россию, ибо без единой свободной России не будет единой великой Чехии, Румынии, Польши и Югославии» [2, с. 195].

Даже «белые» лидеры довольно скоро стали понимать настроения в рядах своих эвентуальных союзников. Министр иностранных дел колчаковского кабинета И. И. Сукин в своих записках писал об упомянутом выше Чехословацком национальном совете: «Этот Национальный совет, создавшийся в атмосфере русской революции, в значительной мере отражал в себе черты последней» [5, с. 364]. Осведомительные органы и органы контрразведки в той же Сибири докладывали, что «среди солдат Чехословацкого корпуса и Польского легиона отмечалось недовольство Омским правительством и его политикой, которую многие считали реакционной» [4, д. 1, л. 288].

Примечательно, что славянские добровольцы, воевавшие в рядах «красных», если и не разделяли, то, во всяком случае, отчетливо понимали мотивацию своих соплеменников. Национальная независимость и для них не была пустым звуком, другое дело, что она, с их точки зрения, должна была воспоследовать вслед за социальной революцией, а не идти впереди нее. Скупщина Революционного Югославянского союза в Киеве в своей резолюции от 14 января 1918 г. высказывалась по этому поводу вполне недвусмысленно: «Революционный югославянский союз как организация заграничных политических эмигрантов не имеет права вмешиваться в партийную борьбу (междоусобицу) в России, а как организация, рожденная революцией, остается верной великим нашим идеям и будет стоять на страже добытой свободы» [11, с. 32].

Происшедшая таким образом «встреча двух революций» привела к примечательным последствиям. Произошла своеобразная «конверсия идей»: боевой дух интернациональных частей Красной армии стал ближе к концу войны падать, что отмечали и сами красные командиры - с 1919 г. количество интернациональных частей в РККА стало уменьшаться, а попытки формирования новых заканчивались громкими конфузами (история неудачной попытки создания в Иркутске в начале 1920 г. Интернациональной дивизии хорошо описана в письмах участвовавшего в этом провальном действе небезызвестного Я. Гашека); параллельно начинается охлаждение «белых» славян-добровольцев к белому движению. Примечательно, как один из этих людей, обычный солдат Я. Пршикрыл, просто и точно выразил динамику этого изменения: «Чешские легионеры, сами будучи революционерами, приходили к убеждению, что эта война не ихняя, война не против немцев, а против русской революции» [6, т. 2, с. 78].

Неспособность «белых» предложить сколько-нибудь убедительную аргументацию для сохранения славян-добровольцев в своих рядах вела процесс к закономерному финалу. Монархические идеи не были популярны даже у командования добровольцев: один из командиров Чехословацкого корпуса С. Чечек не без злой иронии сказал своему русскому сослуживцу полковнику Степанову: «До сих пор ко мне не явился ни один монархист, который предложил бы мне свою жизнь и силы для освобождения своей Родины от германских ставленников» [Там же, т. 1, с. 203]. Еще более изощренно отозвался об агонизирующем белом движении упомянутый Б. Павлу: в глубине тайги чехи нашли раненого из местных; путь вроде бы знает только он, поэтому его несут с собой; но неясно, выздоровеет он или нет, правда знает путь или притворяется, если не выздоровеет - тащить дальше или бросить? [Там же, с. 355].

К концу Гражданской войны стало очевидно: две разные революции, встретившись на территории России, разошлись - каждая своим путем, - а попытки использовать иностранцев, поверивших в них, в своих узко российских целях обречены. Как отметил современный исследователь темы применительно к добровольцам-югославянам: «Солидарность югославян проявляла себя больше, когда надо было защитить свои национальные интересы» [7, с. 42].

Список литературы

1. **Велеховский Ф.** Чехословаки в Сибири. Екатеринбург: Издательство Чехословацкого Национального совета (отделение для России), 1918. 39 с.
2. **Гинс Г. К.** Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории (1918-1920 гг.): впечатления и мысли члена Омского правительства. М.: Крафт+, 2007. 704 с.
3. **Голдин В. И., Журавлев П. С., Соколова Ф. Х.** Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск: СОЛТИ, 2005. 350 с.
4. **Государственный архив Российской Федерации** (ГАРФ). Ф. 5793. Оп. 1.
5. **За спиной Колчака**: документы и материалы / ред. А. В. Квакин. М.: Аграф, 2005. 512 с.
6. **Мельгунов С. П.** Трагедия адмирала Колчака. М.: Айрис-Пресс, 2004. Т. 1. 576 с.; Т. 2. 496 с.
7. **Наумова Н. И.** Югославяне в политике колчаковского правительства // История «белой» Сибири: тезисы 2-й научной конференции (4-5 февраля 1997 г.) / ред. С. П. Звягин, С. В. Макарчук, В. А. Сергиенко. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 39-42.
8. **Писарев Ю. А.** Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М.: Наука, 1968. 375 с.
9. **Полторак С. Н.** Иностранцы в Красной Армии: драма великого подвига. СПб.: СПбГТУ, 1992. 242 с.
10. **Полторак С. Н.** Иностранцы в Сибири - заложники «белой» и «красной» идей // История «белой» Сибири: тезисы 2-й научной конференции (4-5 февраля 1997 г.) / ред. С. П. Звягин, С. В. Макарчук, В. А. Сергиенко. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 139-142.
11. **Советско-югославские отношения, 1917-1941 гг.**: сб. документов и материалов / ред. В. В. Зеленин, С. Цветкович. М.: Наука, 1992. 416 с.

SLAVIC ARMED GROUPS IN RUSSIA (1917-1920): “MEETING OF REVOLUTIONS” OR “SOLD CORPS”?

Aleksandr Mikhailovich Zakharov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Russian History
Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen
rusist.rgpu@mail.ru

The author analyzes Slavic volunteers’ participation in the Civil War in Russia, formulates and substantiates the thesis about the revolutionary views genetic unity of the Slavs-volunteers being the part of “white” and “red” forces, and shows that the difference, visible only in national or social revolution priority, allows introducing the notion of “two revolutions meeting” into scientific circulation for the first time in the native historiography.

Key words and phrases: Civil War in Russia; Czechoslovak corps; Slavic volunteers; foreign intervention; the First World War.